государственная полиция (Гестапо) и уголовная полиция. Они работали самостоятельно, но в тесном контакте друг с другом. На оккупированной территории СССР гестапо как самостоятельное учреждение не функционировало [4, с.81]. Гестапо вело борьбу с политическими противниками нацистского режима. Его начальником был группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Генрих Мюллер.

До сих пор в ряде официальных изданий утверждается, что "белорусский народ на борьбу с немецкими оккупантами подняла Коммунистическая партия Советского Союза и ее составная часть – Коммунистическая партия Белорусии". Правда состоит в том, что во многих населённых пунктах Беларуси народ поднялся на борьбу стихийно, а в других местах его подняли на борьбу с нацистами партийные, комсомольские и советские органы, особенно органы НКГБ и НКВД. Уже позже эту борьбу возглавила Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) и её составная часть Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии.

В 2009 году в издательстве "Беларусь" впервые в нашей республике вышел в свет справочник "Высшее партизанское командование Белорусси. 1941-1944" под общей редакцией автора этих строк. Я предлагал в названии этого справочника другой, более объективный и более правдивый термин: "Высшее советское партизанское командование Белоруссии.1941-1944", аргументируя это тем, что в годы войны, кроме советских партизан, подчинявщихся ЦШПД и БШПД, на территории нашей республики воевали части Армии Крайовой, ОУН-УПА и националистических партизан, которые не подчинялись ни ЦШПД, ни БШПД, ни подпольным обкомам и райкомам партии. Но главный редактор издательства не согласился с моими аргументами. До сих пор продолжаю считать, что более объективным и более правдивым названием справочника было бы "Высшее советское партизанское командование Белоруссии.1941-1944".

В справочных и энциклопедических изданиях БССР и Республики Беларусь до сих пор используется неточный термин "Северо-Западная оперативная группа ЦК КП(б)Б". Эта группа была создана 20 марта 1942 года и была расформирована в сентябре 1942 года в связи с созданием Белорусского штаба партизанского движения. В действительности, точным, правильным термином, который необходимо использовать в научном обороте, является термин "Северо-Западная оперативная группа ЦК КП(б)Б и СНК БССР".

К сожалению, в работах ряда белорусских исследователей по истории Белоруссии 1941-1945 годов, особенно в работах ряда гродненских историков, опубликованных на беларусском языке, вместо терминов "яўрэй", "яўрэі" используются термины "габрэй". "габрэі", "жыд", "жыды". Если термины «габрэй», габрэі» очень хитрые, тонко продуманные, искусственно придуманные скрытыми врагами еврейского народа и являются проявлениями скрытого антисемитизма, хотя на первый взгляд носят нейтральный характер, то термины "жыд", "жыды" носят оскорбительный для белорусских евреев, всего еврейского народа характер, являются неприкрытым проявлением антисемитизма и способствуют разжиганию межнациональной розни, не говоря уже о возможности привлечения таких "исследователей" к уголовной ответственности.

Причем отдельные исследователи ссылаются. на написание этого термина в польском языке. Но мы говорим о белорусском языке, а не о польском. Конечно, это не касается использования данных терминов из исторических источников, в которых как написано, так и надо публиковать.

К сожалению, многие исследователи истории Беларуси в период Великой Отечественной войны не придают должного внимания используемым научным терминам, что в той или иной степени влияет на объективность и правдивость освещения этой проблемы и в той или иной мере тормозит развитие исторической науки.

1. Беларуская энцыклапедыя. У 18 т. Т.11. Мінск, 2000.
2. Беларусь, 22 июня 1941 года: Говорят архивы…Минск, 2001.
3. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т.5. Мінск, 2007.
4. Гладков Т.К. В дебрях нацистских спецслужб // Битвы разведок. 1941-1945. М., 2005.
1. 5. Калинин П.З. Партизанская республика. Второе, испр. и доп. изд. Минск, 1968.
5. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2 ч. Ч.2. Мінск, ", 1995.
6. Памяць Беларусі. Рэспубліканская кніга. Мінск, 2005.
7. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Мінска. У 4 кн. Кн.4. Мінск, 2005.
8. Шыбека З. Нарыс гісторыі Беларусі.Мінск, 2003.

КРИТИКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА: СООТНОШЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОЦЕДУР

М.Ф. Румянцева (Москва, Россия)

Источниковедческий анализ – комплекс исследовательских процедур, имеющий системный характер [6, с. 210]. Это означает, что корректный результат может быть получен только при соблюдении последовательности/логики работы с историческим источником. Необходимо также подчеркнуть, что рефлексия метода – основной из возможных способов верификации полученного в научном историческом познании результата.

Репозиторий ВГУ

Вероятно, не будет слишком смелым утверждение, что система источниковедческого анализа разработана сравнительно хорошо [3, с. 565-587], но все же есть проблема, которая, на мой взгляд, еще далека от своего решения. Это – проблема соотношения двух основных исследовательских процедур: так называемой «критики» исторического источника и его интерпретации.

Для прояснения этого вопроса обратимся к эпистемологическим поискам рубежа XIX-XX вв.: именно в этот период, – сначала на волне позитивизма, а затем и его критики, – ведутся напряженные поиски строгого метода анализа исторических источников. Впоследствии, в течение XX в., в европейской/западной науке акцент сместится в область лингвистического анализа текстов на основе неопозитивизма и аналитической философии. Российская/советская историческая наука пошла по пути конституализации источниковедения в самостоятельную субдисциплину исторической науки, в методологии которой проблема интерпретации присутствовала, но во многом имплицитно, будучи скрытой за другими процедурами источниковедческого анализа, такими как выяснение обстоятельств происхождения исторического источника, его видовой принадлежности и, особенно, – изучение автора.

В качестве историографических источников, на мой взгляд, логично привлечь классические пропедевтические курсы второй половины XIX – рубежа XIX-XX веков – И. Г. Дройзена (1808-1884), Э. Бернгейма (1850-1942), Ш.-В. Ланглуа (1863-1929) и Ш. Сеньобоса (1854-1942),поскольку именно в них максимально отчетливо отрефлексирован метод работы с историческим источником, а хорошее (как правило) знакомство с ними профессиональных историков сделает дальнейшие размышления максимально наглядными.

И. Г. Дройзен, выстраивая иерархию методов критики в историческом познании, – от «критического метода определения подлинности» до «критического упорядочения верифицированного материала», – указывает основную задачу критики источников – определить, «что̀ этот источник воспринял и воспроизвел в своем изложении…» [2, с. 471-473]. При этом критика подготавливает материал для интерпретации. «Сущность интерпретации, – пишет Дройзен, – увидеть в былых происшествиях реальности во всей полноте их условий, которые требовали своей реализации и действительности» [2, с. 475]. Немецкий историк обращает внимание на необходимость учета и исторических условий, и психологии личности, и идейного контекста, но все это нацелено на «понимание происшествия» – это интерпретация факта, а не исторического источника.

В пропедевтическом курсе Э. Бернгейма критика также предшествует интерпретации, «Обязанностью критики, – пишет Бернгейм, – является решать вопрос о подлинности имеющихся в нашем распоряжении показаний источников и вытекающих из них данных» [1, с. 50]. Интерпретация рассматривается Э. Бернгеймом как «истолкование показаний источников в смысле более тесной, или широкой связи, в которой они стоят…» [1, с. 59]. Но, в отличие от И. Г. Дройзена, Э. Бернгейм рассматривает интерпретацию уже и как процедуру исследования исторического источника. Утверждая возможность понимания произведения, созданного в иной культуре, Э. Бернгейм пишет: «Нам необходимо только обладать нужными познаниями, чтобы свести к привычным для нас основным элементам различные формы выражения. Это в одинаковой степени относится и к миру восприятий и представлений, как и к миру мышления. Их способ выражения и содержания у различных людей разных времен бесконечно разнообразны, но лежащие в основе физические процессы всегда одни и те же. Стоит только это признать и отсюда возникает вторая великая задача исследования – интерпретация (истолкование)» [1, с. 34].

Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос также разрабатывают понятия внешней (подготовительной) и внутренней критики исторических источников. Но рассмотрение последней они начинают уже с «критики истолкования (герменевтики)». Авторы утверждают: «Критика эта имеет целью распознать, что может быть принято в историческом документе за истину» [4, с. 144]. Но при этом они предостерегают от опасности воспринять текст источника «сквозь призму своих собственных впечатлений» и создать «воображаемый текст, принимаемый им [историком – *М.Р.*] за действительный текст автора» [4, с. 146]. Возможность избежать такую опасность французские историки видят в рефлексии метода: «Здесь, как и везде в истории, метод необходим для сопротивления первому влечению. Нужно прежде всего проникнуться тем очевидным, но часто забываемым принципом, что документ содержит только мысли писавшего его лица, а потому следует принять за правило сначала понять текст сам по себе, а потом уже задаваться вопросом, что можно извлечь из него для историка» [4, с. 147].

Таким образом, мы можем зафиксировать два наблюдения: первое – критика предшествует интерпретации; второе – интерпретация как исследовательская процедура относится первоначально не к сфере работы с историческим источником, а к процедурам исторического построения, но постепенно смещается в сторону изучения личности автора, особенностей его мировосприятия, в том числе и культурно обусловленных.Очевидным образом, эти подходы не преодолевают пока рамок классической модели науки, нацеленной на достоверное описание реальности прошлого, воспринимаемой в качестве инварианта.

Качественный скачок в смещении акцента с критики на интерпреатцию мы обнаруживаем в «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского (1863-1919). Здесь уместно напомнить, что «Методология истории» – это пособие к лекционному курсу, а не эпистемологический трактат, так что сопоставление с пропедевтическими трудами вполне корректно.

Репозиторий ВГУ

В структуре методологии источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского подробнейший анализ процедур «исторической интерпретации» [5, т. 2, с. 64-155] предшествует анализу процедур «исторической критики источников» [5, т. 2, с. 155-365]. Автор констатирует, что «…учение о критике <…>часто сводится к собранию технических правил, нужных для того, чтобы различить ценное от неценного, годное от негодного…» [5, т. 2, с. 155], а«общее учение об исторической интерпретации источников, несмотря на свое значение, долгое время оставалось без систематической обработки: оно применялось только в конкретных случаях, при истолковании данного рода источников.<…>учение об исторической интерпретации долго не получало достаточно самостоятельного значения и часто поглощалось критикой или даже входило в состав методологии исторического построения»[5, т. 2, с. 62-63]. При этом российский методолог ссылается на труды Э. Бернгейма и Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса.

Мы видели, что в классических пропедевтических курсах середины XIX – начала XX в. итогом и результатом«критики» исторического источника являлось установление исторического факта как материала, практически инвариантного, для последующего исторического построения. Но А. С. Лаппо-Данилевский предостерегает: «Всякий, кто стремится к познанию исторической действительности, почерпает свое знание о ней из источников <…>, но для того, чтобы установить, знание о каком именно факте он может получить из данного источника, он должен понять его: в противном случае, он не будет иметь достаточного основания для того, чтобы придавать своему представлению о факте объективного значения; не будучи уверенным в том, что именно он познает из данного источника, он не может быть уверенным и в том, что он не приписывает источнику продукта своей собственной фантазии» [5, т. 2, с. 64]. Понимание достигается в ходе интерпретации исторического источника.

В чем же причина различий в подходах? Могу предположить, что эти различия имеют не методический («технический»), но методологический (эпистемологический) и даже парадигмальный характер.

Концептуальным основанием методологии истории А. С. Лаппо-Данилевского (куда, в качестве структурной части, наряду с методологией исторического построения, и входит методология источниковедения) является русская версия неокантианства, вкоторой существенную рольиграет принцип «признания чужой одушевленности», подробно разработанный в трудах А. И. Введенского (1856-1925) и И. И. Лапшина (1870-1952). Предварение критики, т.е. определения достоверности информации исторического источника, его интерпретацией обусловлено вниманием к личности автора на основе принципа «признания чужой одушевленности». Очевидно, что этот подход существенно расширяет исследовательские возможности, поскольку позволяет использовать и «недостоверную», – в классическом понимании, – информацию исторического источника, зачастую наиболее ценную как для понимания личности автора как Другого, так и инаковости его эпохи.

Поскольку метод источниковедения, рассматривающий «принцип признания чужой одушевленности» в качестве системооразующего, предполагает диалогичность общения историка с историческим источникам, понимание автора исторического источника на основе саморефлексии личности историка и дальнейшего сопоставления внешних обнаружений Другого с эксплицированными характеристиками собственной душевной жизни, то этот метод с увереннстью должен быть отнесен к неклассической модели науки. А ориентация на эмпирический материал исторического источника как объектного обнаружения чужой душевной жизни создала перспективу развития этой концепции в направлении неоклассической модели науки.

Проведенноесопоставление соотношения исследовательских процедур критики и интерпретации могло бы иметь исключительно «исторический» характер или, – в лучшем случае, – быть отнесено к области «поиска истоков», если бы выявленное противостояние (подчеркну еще раз, – имеющее парадигмальный характер) не воспроизводилось бы отчасти в современном (при различении современного, как наличествующего здесь и сейчас, от актуального, то есть отвечающего потребностям современного социума) источниковедении. Принесомненной необходимости дальнейшего исследования понятия «критика историчнского источника» с точки зрения истории понятий в проблемном поле интеллектуальной истории, уже сейчас можно с уверенностью констатировать, что использование этого понятия в современном научном дискурсе маркирует эпистемологическую приверженность автора классическому типу рациональности.

1. Бернгейм, Э. Введение в историческую науку : пер. с нем. / Э. Бернгейм ; под ред. В. В. битнера. – Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 72 с.
2. Дройзен, И. Г. Очерк историки // Дройзен, И. Г. Историка / Иоганн Густав Дройзен ; пер. с нем. Г. И. Федоровой ; под ред. Д. В. Скляднева. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – С. 449-501.
3. Источниковедение : учеб.пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков, С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева, О. И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская ;отв. ред. М. Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685, [3] с.
4. Ланглуа, Ш.-В. Введение в изучение истории / Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос ; пер. с фр. А. Серебряковой. – Изд. 2-е / под ред. и со вступ. ст. Ю. И. Семенова. – М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. – 305 с.
5. Лаппо-Данилевский, А. С.Методология истории : [в 2 т.] / Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 2 т. – (Б-ка отеч. обществ.мысли с древнейших времен до начала XX века / Ин-т обществ. мысли).
6. Теория и методология исторической науки : терминол. слов. / отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина ; РАН. Ин-т всеобщей ист. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Аквилон, 2016. – 543 с.

Репозиторий ВГУ